

Кн. ЕВГЕНИЙ ТРУБЕЦКОЙ.

ЗВѢРИНОЕ ЦАРСТВО

И

ГРЯДУЩЕЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ.

1919.

Кн. ЕВГЕНІЙ ТРУБЕЦКОЙ.

ЗВѢРИНОЕ ЦАРСТВО

И

ГРЯДУЩЕЕ ВОЗРОЖДЕНІЕ РОССИИ.

1919.

Дни страшнаго суда исторія надъ народами Европы завершилась суровымъ и жестокимъ приговоромъ: великая европейская война закончилась полнымъ ихъ проваломъ и посрамленіемъ. И, что всего замѣчательнѣе, участь побѣдителей почти такъ же тяжела, какъ и участь побѣжденныхъ. Всѣ мечты, связанныя съ войною, разбиты жизнью. Рухнули великодержавныя начинанія, не достигнуты и гуманитарныя цѣли войны: ея результаты оказались въ полномъ противорѣчьи съ ея задачами.

По отношенію къ народамъ побѣжденнымъ эта мысль не нуждается въ доказательствахъ. Что случилось съ тѣми мировыми замыслами о срединной нѣмецкой имперіи, которые олицетворялись въ премя громкими именами — Берлинъ, Византія, Багдадъ!

Достигли ли благополучія побѣдители? Наоборотъ, всѣ бывшіе во Франціи послѣ заключенія перемирія единодушно свидѣтельствуютъ, что тамъ вмѣсто радости царитъ озабоченное и подавленное настроеніе. Отвоеваны у Германіи Эльзась и Лотарингія, но это приобрѣтеніе не въ состояніи вознаградить французамъ за тяжесть страданій, которую имъ приходится нести. Вѣсобщее разореніе, непомерное возростаніе налоговъ, вызванныхъ войною, революціонныя броженія и вповѣь назрѣвающая опасность со стороны Германіи заставляютъ Францію жить въ состояніи непрестанно увеличивающейся тревоги. Многимъ ли лучше положеніе Англіи? Она приобрѣла нѣмецкія колоніи, взяла себѣ весь германскій флотъ и въ результатѣ стоитъ передъ **опасностью** собственнаго расчлененія, которое грозитъ ей и въ Индіи и въ Ирландіи. А революціонныя броженія, которыя начинаются въ Великобританіи, опаснѣе и сильнѣе тѣхъ, которыя происходятъ во Франціи. И вызваны они все той же причиною. Война создала крайне тяжелое экономическое положеніе, а побѣда не принесла ни счастья ни радости побѣдителю.

Европа переживаетъ великую экономическую разруху и стоитъ передъ опасностью неслыханныхъ потрясеній. Но гораздо страшнѣе экономическихъ бѣдствій тотъ духовный обликъ челоѣчества, который обнаружился въ этой войнѣ. И у насъ и у нашихъ союзниковъ было написано и сказано много справедливаго о германскомъ хищничествѣ: если бы восторжествовалъ нѣмецкій империализмъ съ его программой порабощенія Россіи и Востока, это, конечно, не было бы торжествомъ правды въ мірѣ. Но какая же «справда» выразилась въ побѣдѣ нашихъ союзниковъ? Увы, эта побѣда являетъ міру тѣ же по существу правственныя начала, которыя восторжествовали бы и въ случаѣ побѣды Германіи. Союзники подражаютъ худшимъ приемамъ нѣмцевъ, дѣлаютъ то самое, что дѣлали бы они, если бы очутились въ роли побѣдителя. У нихъ одинъ страхъ, одна забота, какъ бы поверженный врагъ не всталъ; и вотъ они стараются **придушить** его, оправдываясь тѣмъ, что иначе **онъ** ихъ залучитъ. Въ общемъ--это политика трусливаго

звѣря, тотъ элементарный способъ огражденія собственной безопасности, къ которымъ прибѣгаютъ собаки въ дракъ: коли грызть, такъ ужь до смерти.

Но этимъ дѣло не ограничивается: такія мѣры, какъ захватъ нѣмецкаго торговаго флота и сельско-хозяйственныхъ машинъ или наложеніе чудовищной контрибуціи, очевидно, не могутъ быть оправданы необходимой самообороной. Тутъ уже мы имѣемъ явные акты хищенія — то самое беззастѣнчивое примѣненіе «права сильного», которое всегда справедливо ставилось въ упрекъ Германіи. Союзники обыкновенно оправдываютъ такія мѣры, какъ «справедливое возмездіе»: «съ Германіей, молъ, надо поступать такъ, какъ сама она съ другими поступала». Но это значить **подражать** Германіи, слѣдовать нормѣ ея поведенія.

Неправда родить ненависть и потому является источникомъ новыхъ опасностей для будущаго. Повторяя ошибки врага, союзники готовятъ себѣ его участь. Современное намъ крушеніе Германіи было подготовлено тѣмъ опьяненіемъ, которое вызвали въ 1870—1871 г. ея побѣды: это отместка Франціи за Эльзась и Лотарингію. Теперь Англія, Франція и Америка возобновляютъ тотъ же опытъ, погубившій Германію: своими неслыханно тяжельми мирными условіями они толкаютъ нѣмцевъ на путь реванша. Безуміе побѣдителя и на этотъ разъ скопляетъ горящія уголья ему на голову: но теперь — очередь союзниковъ.

При этихъ условіяхъ нечего удивляться провалу тѣхъ гуманитарныхъ лозунговъ войны, которые выставлялись обѣими сторонами. Въ началѣ войны обѣими воюющими сторонами было сказано много красивыхъ словъ о необходимости «вести войну противъ войны». Обѣ воюющія стороны повторяли, что ихъ задача — дать міру миръ и сдѣлать войну на будущее время невозможною. Мысль — явно утопическая, потому что изъ войны ничего, кромѣ войны, родиться не можетъ. Великая европейская война была съ самаго начала проявленіемъ зоологическаго начала въ человѣчествѣ, а гуманитарныя мечты были только прикрасою. Теперь прикрасы отлетѣли, а сущность осталась. И вотъ мы видимъ, что только что окончившаяся мировая война таитъ въ себѣ зародыши великаго множества новыхъ войнъ — маленькихъ и большихъ.

Державы согласія стремились къ освобожденію малыхъ народовъ, видя въ этомъ оплотъ противъ всемірно-завоевательныхъ стремленій большихъ государствъ. Но зоологическое начало и тутъ оказало сильнѣе мечты. Во-первыхъ, программа всемірнаго освобожденія малыхъ народовъ проводится неискренно и шепотно; она не распространяется на Ирландію и на Индію и, стало быть, осуществляется лишь постольку, поскольку это выгодно побѣдителю. Во-вторыхъ, при существующемъ нравственномъ уровнѣ человѣчества проведение въ жизнь этой освободительной программы ведетъ лишь къ замѣнѣ крупныхъ хищниковъ мелкими и средними. При этихъ условіяхъ неудивительно, что освобожденіе малыхъ народовъ является источникомъ новыхъ войнъ, ибо оно увеличиваетъ количество спорящихъ изъ-за брошенной кости. «Малые народы» оказываются рѣшительно не въ состояніи размежеваться между собой и съ сосѣдними державами: мирный конгрессъ, заседающій въ

Парижъ, испуганъ ихъ волчьими аппетитами. Только что освободившаяся Польша уже ведетъ войну не то на два, не то на три фронта — противъ Украины, Германіи и Совдеціи. Италія и Сербія порвали дипломатическія отношенія; Венгрія и Румынія готовы броситься другъ на друга.

Но эта новая борьба народовъ — ничто въ сравненіи съ той безпощадной междоусобной войною, которая началась въ Россіи и грозитъ вопыхнуть во всѣхъ странахъ міра. Логическое завершеніе «войны до побѣднаго конца» не есть всеобщій миръ, а именно это перенесеніе войны вовнутрь государствъ, въ каждый геролдъ, въ каждую деревню, въ самый интимный міръ человеческой семьи. Съ такимъ же правомъ, какъ раньше державы согласія, большевики теперь могутъ сказать, что они «ведутъ войну противъ войны»; ибо въ тотъ день, когда врагъ (въ данномъ случаѣ буржуазія) будетъ сломленъ или истребленъ, классовая война станетъ тѣмъ самымъ разъ навсегда невозможною.

Въ современныхъ событіяхъ передъ нами развертывается картина всеобщаго массоваго безумія.

Всѣ народы Европы годами готовили и продолжаютъ готовить себѣ гибель. На примѣрѣ Германіи въ 1871 году и державъ согласія въ 1919 году мы видимъ, что къ гибели ведутъ какъ разъ тѣ средства, которыми думаютъ ее предотвратить. Есть и другіе примѣры, еще болѣе яркіе.

Десятками лѣтъ Европа готовилась къ войнѣ; для войны всѣ народы лихорадочно вооружались. Всѣ говорили:—«если хочешь мира, готовь войну»; но именно эти лихорадочныя вооруженія и адѣлали войну въ извѣстный моментъ неизбѣжною: они породили ту атмосферу всеобщаго взаимнаго недовѣрія и страха, при которой малѣйшаго повода оказалось достаточно, чтобы вызвать міровой пожаръ: Германія создала этотъ поводъ просто потому, что въ данный моментъ она превосходила своихъ осѣдей вооруженіемъ, а въ будущемъ опасалась быть превзойденною ими... Въ цѣляхъ военной защиты государствъ была изобрѣтена всеобщая воинская повинность; но именно она-то и послужила источникомъ величайшей для нихъ опасности, такъ какъ всеобщее вооруженіе народныхъ массъ подготовило путь большевиизму. Его прямое послѣдствіе—попытка этихъ самыхъ массъ использовать свое оружіе для борьбы противъ буржуазіи. На примѣрѣ Россіи мы видимъ, какъ великое государство десятками лѣтъ выковывало оружіе для собственнаго разрушенія.

И дѣлала это не одна Россія.—Развѣ мы не были свидѣтелями ряда самоубійственныхъ мѣръ Германіи? Она сѣяла большевизмъ въ Россіи и теперь сама пожинаетъ плоды этого посѣва въ междоусобной войнѣ противъ спартакѣвцевъ, получающихъ субсидіи изъ Москвы.—Она вела подводную войну противъ «антанты» и въ результатѣ терпитъ голодъ, вслѣдствіе массоваго истребленія кораблей, которые могли бы снабжать ее хлѣбомъ. А въ данную минуту самоубійствомъ занимаются французы, которые готовы противъ себя взрывъ ненависти въ Германіи и въ это же самое время отдають на растерзаніе большевизму своего единственно падажнаго союзника—Россію.

Во всѣхъ справахъ міра нѣтъ недостатка въ силахъ сознательныхъ, зрящихъ, которыя понимаютъ, что совершается безуміе, знаютъ и способны предотвратить надвигающуюся опасность.—Но міромъ правятъ зоологическія страсти, и разумъ этихъ немногихъ, неизмѣнно оказывается безсильнымъ: вопреки ему безуміе торжествуетъ, и человѣчество стихійно движется къ катастрофѣ.—Въ 1871 году Бисмаркъ ясно сознавалъ опасность присоединенія къ Германіи Эльзаса и Лотарингіи, но онъ былъ безсмысленъ борясь противъ стихійнаго взрыва шовинизма и папора нѣмецкой военной партіи.—Возможно ли, что теперь между французами нѣтъ дѣятелей, создающихъ опасность—доводить нѣмецкій народъ до отчаянія? Но мы не слышимъ ихъ голосовъ потому, что всякая попытка ограничить размѣры чудовищной контрибуціи съ Германіи вызвала бы во Франціи стихійный взрывъ негодованія. Бываютъ случаи, когда государственные люди поступаютъ вопреки велѣніямъ собственнаго разума, **потому что они вынуждены ублажать массы.**—Бываютъ и другіе случаи, когда представители высшаго государственнаго сознанія приносятся въ жертву стихійному настроеніямъ именно потому, что они сознаютъ опасность, угрожающую родинѣ, и борются противъ массоваго безумія. Если бы сихъ поръ это не случилось съ Клемансо, то только потому, что онъ отказался отъ проведенія въ жизнь своей программы спасенія Россіи, а съ нею вмѣстѣ и Франціи.

Можно указать и другіе яркіе примѣры. Опасность всеобщей воинской повинности задолго до войны была сознана и неоднократно указывалась въ литературѣ всѣхъ странъ. Революціонныя социалистическія движенія повсемѣстно возлагали на нее надежды. Но, какъ бы глубоко ни сознавалась опасность, она стихійно навязывалась всѣмъ потому, что каждый народъ долженъ собразовать свои вооруженія съ вооруженіями сосѣда: никто не смѣетъ отставать; всякій вынужденъ воспроизводить у себя даже опасныя и безумныя мѣры сосѣдней державы, если онъ хотя бы временно усиливаетъ могущество послѣдней. Въ частности Россія была принуждена осуществлять у себя тотъ нѣмецкій милитаризмъ, который былъ роковой причиною большевизма, **потому что иначе была бы съѣдена Германіей.**

Мы имѣемъ тутъ одно изъ роковыхъ противорѣчій всемірной культуры. Всѣ народы въ мірѣ боятся опасности, угрожающей отъ другихъ народовъ-хищниковъ. Но для того, чтобы бороться противъ этой опасности, всѣ, въ свою очередь, приспособляются къ войнѣ и хищенію; всѣ принимаютъ образъ звѣрный; тѣмъ самымъ всѣ усугубляютъ и усиливаютъ опасность войны вмѣсто того, чтобы избавлять ее. Современныя государства съ ихъ колоссальными вооруженіями, съ ихъ сложнымъ и могущественнымъ аппаратомъ, разсчитаннымъ на взаимное истребленіе, чрезвычайно похожи на оцетяннившихся другъ противъ друга чудовищъ. Въ самомъ ихъ строеніи запечатлѣлся гигантскій образъ коллективнаго звѣря. Чѣмъ глубже проникаетъ въ жизнь этотъ зловѣщій образъ, тѣмъ больше война подчиняетъ себѣ всѣ человѣческія отношенія.

Отсюда то психологическое настроеніе, изъ котораго выросли всѣ ужасы войны междоусобной. Вѣками изживали христіанскіе

народы жестокое противорѣчіе. Они исповѣдывали заповѣди любви, но только для домашняго употребленія—**внутри государства**, а рядомъ съ этимъ въ международныхъ отношеніяхъ слѣдовали морали калнибаловъ. Въ концѣ концовъ душа не выдерживаетъ такой двойной бухгалтеріи, противорѣчіе для нея не проходитъ даромъ. Можно ли допускать, чтобы человѣкъ былъ кровожаднымъ тигромъ на ту сторону государственной границы, и въ то же время требовать, чтобы онъ былъ кроткимъ агнцемъ по сю сторону? Это психологически невозможно. И вотъ мы видимъ, что мировая война, разнузданная звѣря въ международныхъ отношеніяхъ, тѣмъ самымъ подготовила его вторженіе и въ отношенія внутреннія. Это доказывается всѣми современными переживаніями.

Достаточно послушать рассказы солдатъ, вернувшихся съ войны, чтобы понять, какъ и почему эти люди превратились въ кровожадныхъ большевиковъ. Война воспитала ихъ въ мысли, что по отношенію къ врагу все дозволено, и послужила для нихъ школою холодной, расчетливой жестокости; убійство стало для нихъ дѣломъ легкимъ и обычнымъ, простѣйшимъ выходомъ изъ мѣхъ трудныхъ положеній, которыя такъ часты на войнѣ. Какъ поступить съ вратомъ, который сдается въ плѣнъ во время наступленія? Вести съ собою впередъ—нельзя, оставлять въ тылу одного—опасно, а тратить силы на то, чтобы его стеречь — значитъ ослаблять, всего проще — его пристрѣлить. Такъ же просто — приколоть какую-нибудь шмъку, если явится мысль, что она **можетъ** донести своимъ о мѣстопробываніи русскаго отряда. Если попадется чужое добро во вражескомъ селеніи, то чего же проще его реквизировать и ничего не заплатить! Изъ этихъ повседневныхъ военныхъ эпизодовъ складается цѣлый кодексъ поведения и та особая психологія, которую мы наблюдаемъ въ большевистскихъ массахъ.

Какъ только массы повѣрили, что врагъ — не внѣ, а внутри государства, весь обычный кодексъ войны сталъ примѣняться къ этому внутреннему врагу. Избѣненіе «буржуевъ» и офицеровъ, грабительскія реквизиціи («по праву войны») стали дѣломъ легкимъ и обычнымъ. Въ этихъ принципахъ воспитало массы то самое милитаристическое государство новаго времени, которое теперь на нашихъ глазахъ рушится подъ ихъ напоромъ. Намъ часто приводятъ въ негодование **аморализмъ** большевиковъ, которые для торжества коммунистическаго строя считаютъ дозволенными всѣ средства. Но не слѣдуетъ забывать, что все современное государство безпринципно въ той же мѣрѣ! Развѣ не оно воспитало людей въ мысли, что нравственные правила обязательны только въ жизни индивидуальной, что въ политикѣ дозволены всякія мерзости, и что для цѣлей государства хороши всѣ средства. Большевикамъ оставалось только примѣнить эту точку зрѣнія къ государству коммунистическому.

Война разнузда звѣря въ человѣкѣ. Отсюда и происходитъ гогъ грузъ, который увлекаетъ современныя государства въ бездну. Отсюда неудержимое влеченіе современныхъ народовъ къ большевизму. Всѣ катятся къ нему, словно по наклонной плоскости: мало того, — споспобствуютъ его успѣхамъ своими дѣйствіями.

Кто только изъ современныхъ народовъ не поработалъ въ пользу большевизма! Германія его насаждала, оплачивала его пропаганду въ Россіи; но Россія въ долгу не осталась; теперь она пропагандируетъ большевизмъ въ Германіи. Низверженіемъ императора Вильгельма президентъ Вильсонъ далъ толчокъ его распространенію; а теперь уже всѣ державы согласія толкають къ нему нѣмецъ, водворяя въ Германіи голодъ и нищету тяжкими условіями мира. Онѣ создаютъ и поддерживаютъ среди нѣмцевъ ту революціонную атмосферу, которая рано или поздно заразитъ ихъ самихъ. Теперь вся надежда нѣмецкаго реванша на то, что большевистская зараза проникнетъ во Францію. Словомъ, державы согласія поступаютъ съ Германіей совершенно такъ же, какъ недавно Германія поступала съ Россіей. Естественно, что и результаты будутъ тѣ же.

Но самое роковое знаменіе времени для державъ согласія — ихъ безсиліе по отношенію къ большевикамъ, безсиліе не физическое, а **Духовное**. Физически силы большевиковъ ничтожны сравнительно съ силами союзныхъ армій; при этомъ выдающіеся государственные люди Англии и Франціи прекрасно понимаютъ международную опасность большевистскаго очага заразы, ведущаго дѣятельную пропаганду во весь міръ. И, однако, чего-чего не дѣлаются союзниками, чтобы какъ-нибудь не тронуть пальцемъ большевиковъ! И приглашеніе на Принцесы острова, и забвеніе тяжкихъ оскорбленій, нанесенныхъ въ Москвѣ и Петроградѣ ихъ посланникамъ. Попытка величайшаго народнаго героя Франціи — Клемансо — вмѣшаться въ русскія дѣла потерпѣла полное крушеніе, и мы начинаемъ понимать, въ чемъ дѣло. — Всѣ европейскіе народы такъ или иначе испытываютъ на себѣ дѣйствіе большевистскаго яда. Событія въ Одессѣ показали всю невозможность заставить французскаго солдата сражаться съ большевиками. Тѣ самыя войска, которыя побѣждали Фолгаръ и нѣмцевъ, сбѣжали передъ большевистскими бандами потому, что упорно не хотѣли драться. При этихъ условіяхъ неудивительно, что и въ Парижѣ францужскіе «товарищи» оказались сильнѣе Клемансо.

Въ итогъ за послѣдніе годы все въ мірѣ дѣлалось и дѣлается въ пользу большевиковъ. Какъ будто для нихъ народы вооружались, для нихъ вели мировую войну, а теперь заключаютъ тотъ жестокой, грабительскій миръ, который только имъ можетъ быть полезенъ.

Это доказываетъ, что большевизмъ для современныхъ народовъ не есть что-то случайное и внѣшнее: это — какая-то роковая болѣзнь, которая таится въ ихъ крови. И мы видимъ, какая именно. — Въ большевизмъ стала явнымъ тотъ «образъ звѣриный», который уже задолго до войны жила въ душахъ народовъ, вынашивался всею жизнью современнаго государства.

Тутъ передъ нами обнажается провалъ всемірной культуры. — Въѣтами работала она надъ человѣческимъ обществомъ и всетаки потерпѣла жестокую неудачу въ самомъ главномъ: человѣкъ остался все тѣмъ же хищникомъ, какимъ онъ былъ въ доисторическую эпоху, но при этомъ хищникомъ во всеоружіи средствъ современной техники. И вся его цивилизація — не болѣе, какъ тонкое покрывало, наброшенное на злую жизнь. Несмотря на настойчивыя

попытки отдаловичить общество, взаимныя отношенія народовъ продолжаютъ покоиться на чисто зоологическомъ принципѣ — кровавой борьбы за существованіе: у кого сильнѣе челюсть, тотъ и правъ.

Это преобладаніе зоологическаго начала сказывается въ особенностяхъ въ томъ значеніи, какое приобрѣла война въ жизни современныхъ народовъ. Лозунгъ «все для войны», провозглашенный въ послѣдніе годы, въ сущности выражалъ собою главное содержаніе общественной и государственной жизни уже задолго до начала войны мировой. Ибо въ мирное время Европа представляла собою огромный военный лагерь, гдѣ все вооружалось, все готовилось и приспособлялось къ грядущей боиѣ. Все было подчинено войнѣ: промышленность, техника, самый умъ человѣка, изощренный въ изобрѣтеніи способовъ взаимнаго истребленія, и, наконецъ, его сердце, впитывавшее въ себя варварскую энергію. Человѣкъ становился орудіемъ войны съ головы до пятокъ.

Такое приспособленіе къ войнѣ самаго духовнаго облика человѣка не можетъ пройти для него безнаказанно. — Неудивительно, что, въ концѣ-концовъ, оно создало типъ **человѣка-тигра** и что этотъ типъ во многихъ странахъ міра приобрѣлъ преобладающее значеніе, захватилъ власть и вліяніе (вспомнимъ Троцкаго и Петерса). Въ этомъ и заключается торжество большевизма. Большевизмъ — не болѣе и не менѣе, какъ немезида современной культуры, — это — обнаженіе таившейся въ ней темной силы зла.

Вдумываясь въ господствующія теченія современной жизни и мысли, мы безъ труда поймемъ, почему въ современномъ об-вѣ такъ легко стерлась грань между человѣческимъ и звѣринымъ. Вѣдь въ наши дни самое отличіе человѣка отъ животнаго утрачено, забыто. Житейскій матеріализмъ, забвеніе духовныхъ цѣнностей, болѣе того, **практическое отрицаніе духа**, — вотъ наиболѣе характерныя черты современнаго духовнаго склада. — Отсюда тотъ нездоровый эгоизмъ народовъ Европы, который привелъ ихъ къ войнѣ. — Мировая война вызвала стремленіемъ однихъ народовъ создать свое матеріальное благополучіе на костяхъ другихъ. Въ существѣ своемъ это была та же отвратительная борьба животныхъ изъ-за пищи, которую сильный микроскопъ можетъ открыть въ любой каплѣ застоявшейся воды. Было здѣсь и нѣчто худшее. Для животныхъ путь кровавой борьбы за существованіе естествененъ: пожираютъ другъ друга, они осуществляютъ законъ своей природы. Наоборотъ, для людей это взаимное пожираніе — путь паденія, потому что этимъ самымъ его духъ порабощается закону низшей, **подчеловѣческой** области жизни и отрывается отъ собственной своей природы.

Всмотримся въ большевизмъ и вы увидите, что именно это паденіе составляетъ его сущность. **Сознательное отреченіе отъ Духа**; вотъ въ чемъ для него основной принципъ всего общественнаго строенія.

Матеріализмъ въ Соединеніи приобрѣлъ значеніе какъ бы нѣкотораго догмата вѣры и въ качествѣ такового преподается въ школахъ. При этихъ условіяхъ неудивительно, что большевики не могли удержаться на точкѣ зрѣнія релігіозной свободы, которую

они лицомъ къ евангелію, и вступили на путь открытаго гоненія противъ религіи, какъ таковой. Религіозная вѣра въ животворящій Духъ Божій есть отрицаніе самыхъ основъ большевистскаго обществія; поэтому большевики не могли ограничиться упраздненіемъ Закона Божія, какъ обязательнаго предмета для учащихся: они должны были совершенно воспретить его преподаваніе. Этимъ же обуславливается большевистскій дикретъ, отрицающій за религиозными обществами какія-либо имущественныя права. — Цель большевиковъ заключается въ томъ, чтобы сдѣлать всякія вѣщія проявленія вѣры и церкви невозможными, уничтожить самый культъ путемъ націонализаціи храмовъ и священныихъ предметовъ.

Если они не доводятъ эту попытку до конца, это обуславливается не какими-либо принципиальными препятствіями, а единственно практической невозможностью, боязью вызвать бурныя проявленія народного негодованія. Подлинное отношеніе большевиковъ къ религіи выражается не въ равнодушіи, а въ ненависти. Въ разстрѣлахъ, надѣвательствахъ и мученіяхъ священниковъ это самое существо большевизма есть активная вражда противъ духа.

Этой же враждой обуславливается отрицаніе всякихъ духовныхъ связей обществія. — Самые національныя отличія между людьми, съ точки зрѣнія большевиковъ, прозрачны именно потому, что это — **отличія Духовныя**. Реальны, существенны, съ ихъ точки зрѣнія, только отличія **матеріальныя, экономическія**. Есть на свѣтѣ только двѣ націи, съ которыми они считаются, имущіе и неимущіе, буржуазія и пролетаріатъ. И, такъ какъ между людьми нѣтъ и не должно быть какихъ-либо духовныхъ связей, отношенія между этими двумя «націями» должны рѣшаться голымъ зоологическимъ началомъ борьбы за существованіе. Пролетаріатъ становится единственнымъ обладателемъ всѣхъ матеріальныхъ благъ по великому какихъ-либо требованій справедливости, а исключительно по **праву сильного**. — Съ большевистской точки зрѣнія, въ классово-борьбѣ осуществляется не какаго-либо высшая правда, а единственно право большихъ рыбъ заглатывать малыхъ рыбокъ: право осуществляется буржуазіей. Теперь очередь за пролетаріатомъ. И всякія гуманитарныя соображенія не должны смягчать и ограничивать этою праша болтливаго звѣря на его добычу. Классовая борьба, какъ ее понимаютъ большевики, совершенно такъ же жестока и безпощадна, какъ борьба за существованіе въ животномъ царствѣ: она можетъ кончиться только втрѣбленіемъ одного изъ противниковъ.

Въ большевистскомъ обществіи нравственные и правовыя термины замѣняются просто-напросто массовымъ **аппѣтитомъ**. Всякія ограниченія и запреты въ этомъ отношеніи существуютъ только для отдѣльных личностей, а не для массы. Коллективный произволъ «рабоче-крестьянской общности» въ Совдѣліи рьятельно нигдѣмъ не сдержанъ. Ей принадлежатъ не только не ограниченное право распоряжаться жизнью и добромъ отдѣльныхъ гражданъ. Понавалы грабелей и море пролитой крови показываютъ, какъ пользуются большевистскія массы этимъ правомъ. — А о томъ, какъ реально оно охраняется, свидѣтельствуютъ и массовыя казни «бур-

жувѣ» и воспрещеніе покушать цѣлый рядъ предметовъ первой необходимости тѣмъ, кто не спяютъ «на совѣтской платформѣ». Не даромъ Ленинъ сказалъ, что тотъ, кто не полезенъ совѣтской республикѣ, можетъ умирать! Невольно вспоминается требованіе апокалиптического «звѣря, выходящаго изъ земли», который принуждаетъ всѣхъ живущихъ на землѣ поклоняться другому звѣрю, «выходящему изъ моря».

И онъ сдѣлаетъ то, что всѣмъ малымъ и великимъ, богатымъ и нищимъ, свободнымъ и рабамъ положено будетъ начертаніе на правую руку ихъ или на чело ихъ; и что никому нельзя будетъ ни покупать, ни продавать, кромѣ того, кто имѣетъ сіе начертаніе или имя звѣря или число имени его (Апок. XIII, 16, 17).

Во всѣ типическія особенности большевистскаго склада вытекаютъ изъ указаннаго основнаго начала большевистскаго жизнепониманія. Мы часто слышимъ о привилегированномъ положеніи физическаго труда въ Совдепіи по сравненію съ трудомъ умственнымъ и даже о прямомъ гоненіи большевиковъ противъ интеллигенціи. Это опять-таки частное проявленіе все того же отрицанія духа. Человѣкъ цѣнится у большевиковъ, какъ представитель матеріальной силы; естественно, что носители силы умственной, духовной у нихъ въ пренебреженіи. Пресловутая «соціализація женщины» опять-таки характерна для матеріалистическаго жизнепониманія, которое низводитъ женщину до уровня самки.

Есть что-то сатанинское въ томъ оплеваніи человѣческаго достоинства, въ томъ низведеніи человѣка до скотскаго уровня, которое составляетъ характерную черту большевизма. Это не простое разнузданіе человѣческихъ страстей, а звѣрепоклонство, подчиненіе человѣческаго звѣриному, возведенное въ основное начало общежитія. Конечный результатъ такого жизненнаго оклада есть полное разложеніе всякихъ общественныхъ связей, окончательное разрушеніе человѣческаго общежитія. Мы видѣли, что большевизмъ пытается разрушить церковь, націю, семью, что онъ признаетъ лишь то общественное единство, которое покоится на чисто матеріальныхъ интересахъ. Его сущность сводится къ попыткѣ совершенно выбросить за бортъ всякія духовныя начала и построить человѣческую жизнь на чисто матеріалистическихъ началахъ. Такъ какъ матеріализмомъ теперь пропитана вся жизнь, вся всякаго временныхъ народовъ, эта попытка имѣетъ не мѣстное только значеніе. Такъ или иначе весь міръ долженъ пройти черезъ этотъ соблазнъ, всѣ народы должны переболѣть этой болѣзью большевизма. Мы, русскіе, заболѣвшіе ей раньше всѣхъ, видимъ всю бездонную глубину этой пропасти, въ которую вслѣдъ за нами стремятся народы Европы. Люди, которые объединены между собою одними матеріальными интересами, напоминаютъ волковъ, которые соединяются въ стаи, чтобы добывать пищу, но при отсутствіи добычи поязраютъ другъ друга.

Это не человѣческое, а звѣриное царство, которому суждено пройти всѣ ступени человѣческаго паденія. Мы знаемъ, что въ Петроградѣ дѣло уже дошло до людоедства въ буквальный смыслѣ.

Можетъ ли удался эта попытка, восторжествуетъ ли звѣриное начало въ человѣчествѣ? Это и есть вопросъ, на который мы призваны отвѣтить.

Сейчас уже намѣчаются опредѣленные данныя для его рѣшенія. Общественное строеніе, построенное на материалистическихъ началахъ, неизбежно таитъ въ себѣ зародыши собственнаго разрушенія, потому что законъ его жизни есть нескончаемый, непримиримый споръ собакъ изъ-за брошенной кости. Никакое экономическое единство не въ состояніи устоять противъ оргіи всемірнаго разрушенія, начатой большевиками. Раню или поздно большевизмъ подвергнется неизбежной участи «царства, раздѣливавшаго на ся». Тогда для измученнаго человѣчества начнется процессъ исцѣленія; намъ предстоитъ поговорить здѣсь о томъ, какъ и при какихъ условіяхъ онъ можетъ совершиться.

II.

Большевизмъ возникъ и выросъ въ мировую величину на почвѣ духовнаго паденія народовъ. Поэтому и освободиться отъ него можно только путемъ духовнаго подъема.

То угасаніе духа, которое подготовило почву для большевизма, тѣсно связано съ совершившимся за послѣднія десятилѣтія пышнымъ расцвѣтомъ матеріальной культуры. Быстрый ростъ матеріально благополучія всюду оказалъ на человѣческую душу одно и то же отрицательное вліяніе. Онъ усыпилъ духовную жизнь. Сладкая мечта о земномъ раѣ, нынѣ одурманившая демократическія массы, первоначально выросла на почвѣ сытости и довольства. Сначала ея жило привилегированное меньшинство. Но вотъ въ дни величайшихъ страданій мировой войны солдаты изъ окоповъ увидали издали этотъ рай богатыхъ и спекулянтовъ. Большевики сказали: «берите: онъ вашъ», «миръ на фронтѣ, война внутри государства»; и въ тылу у арміи загорѣлось кровавое зарево.

Роковая причина этого пожара—угасаніе духа. Утраченные духовныя цѣнности были замѣнены идолами. А идолы, какъ бы они ни различались между собой, всегда кровожадны и требуютъ человѣческихъ жертвъ. Оттого-то одно идолопоклонство такъ легко переходитъ въ другое. Поклоненіе «златому тельгу» породило между людьми взаимную ненависть и вызвало войны. А ненависть и вражда отдали человѣчество во власть «звѣря, выходящаго изъ бездны». Конецъ этой нечистой власти наступитъ лишь тогда, когда душа народовъ освободится отъ околдовавшаго ее илліяна. Взгляните на сѣверъ Россіи: тамъ обольстительная мечта, одурманившая народныя массы, окончательно разбита жизнью.—Объщанный большевиками земной рай, манившій издали, исчезъ, какъ миражъ, и смѣнился адомъ: вмѣсто общаннаго довольства и сытости народныя массы пережили полное крушеніе матеріальнаго благополучія. Они испытали весь ужасъ голода и нескончаемаго, хроническаго междоусобія.

Пока крестьяне жгли помѣщичковъ, а рабочіе въ городахъ обирали «буржуевъ и капиталистовъ», массы еще находились во власти революціоннаго угара; но вотъ въ деревнѣ началась борьба между кабацкой голью, именуемою «бѣднотою», и хозяйственными мужичками, рабочіе въ городахъ почувствовали на себѣ всю тяжесть ненависти деревни, которая отказывается продавать хлѣбъ. Ненависть отравила всѣ человѣческія отношенія. Братъ возсталъ

на брата и отецъ на сына. Всякій, у кого оставался какой-нибудь лишній пудъ хлѣба, припасенный про черный день, почувствовалъ себя подъ контролемъ милліона завистливыхъ глазъ, которые выслѣживаютъ, чтобы обобратъ. Крестьянинъ, больше всѣхъ мечтавшій о «завоеваніяхъ революціи», очутился въ положеніи «буржуя», отданнаго на потомъ и разореніе грабителямъ и реквизиторамъ изъ «бѣдности». Чтобы вырвать у него хлѣбъ для прокормленія города, въ деревню стали посылаться вооруженныя отряды. Въ среду самихъ рабочихъ проникло то же раздѣленіе на привилегированную «бѣдноту» и «приспѣшниковъ буржуазнаго строя», «контрь-революціонеровъ», обреченныхъ на закланіе. Волчьи аппетиты близняго оказались угрозою для всѣхъ и cadaго. И уже не меньшинство богатыхъ, а «демократическія массы» поняли, что значить очутиться въ котлахъ «звѣри, выходящаго изъ бездны».

Въ деревняхъ идутъ возстанія противъ большевиковъ: крестьяне перепиливаютъ комиссаровъ пилами и закапываютъ ихъ живыми, послѣ чего карательныя экспедиціи выжигаютъ цѣлыя волости и разстрѣливаютъ людей тысячами. Въ городахъ съ той же варварскою жестокостію подавляются голодные бунты. Здѣсь, на югѣ, трудно поставить себѣ хотя бы отдаленное представленіе о той степени ненависти, которая накопилась по отношенію къ большевикамъ на сѣверѣ. Эта ненависть парализуется только тѣмъ ужасомъ, который они внушаютъ, и общимъ чувствомъ беспомощности противъ зла.

Страшно подозрѣвать вора и грабителя въ каждомъ ближнемъ. Но еще страшнѣе ощутить въ себѣ самомъ кровожаднаго тигра. Въ народномъ настроеніи сочетается и то и другое: и мучительное ощущеніе безграничнаго несчастья и ужасъ передъ глубиной собственнаго паденія. Тутъ-то и наступаетъ предѣлъ, гдѣ все, что есть въ человѣкѣ человѣческаго, ополчается противъ звѣринаго царства.

Въ концѣ-концовъ, человѣческой душѣ становится невыносимо море пролитой крови; она изнемогаетъ подъ тяжестью собственнаго грѣха. Помню яркій разговоръ сестры милосердія во время октябрьскаго большевистскаго возстанія въ Москвѣ. Умирающій солдатъ-большевикъ требовалъ священника для исповѣданія; но священника подъ руками не оказалось, и онъ покался сестрѣ. Его мучило воспоминаніе о четырехъ мальчикахъ-кадетахъ, убитыхъ имъ при взятіи кадетскаго корпуса. Онъ говорилъ: «меня увѣрили, что кадеты—всему злу виновники; вотъ я четырехъ мальчиковъ и заporолъ штыкомъ. А теперь я узналъ, что кадеты виноваты, да не тѣ». Не половина ли Россія состоитъ изъ этихъ обманутыхъ душъ, которые теперь мучатся о содѣянныхъ темныхъ дѣлахъ и жаждутъ, чтобы кто-нибудь ихъ понялъ и простилъ. Ихъ и слѣдуетъ простить, но горе тому, кто соблазнилъ одного изъ «малыхъ сихъ».

Я слышалъ отъ священниковъ, что имъ въ качествѣ отцовъ-духовныхъ приходится быть свидѣтелями глубокихъ душевныхъ драмъ людей, вовлеченныхъ въ злодѣянія демагогіей. И первое движеніе, которое зарождается подъ впечатлѣніемъ ужаса собственнаго паденія, это—тоска по утраченной святинѣ. Одинъ московскій священникъ говорилъ мнѣ, что подъ вліяніемъ сильныхъ душевныхъ потрясеній къ нему приходили каяться въ преступленіи-

ихъ солдаты-большевики, раньше по многу лѣтъ не бывавшіе у исповѣди. Однихъ мучили содѣянные убійства, другихъ—оскорбленіе святыни, ихъ участіе въ разстрѣлѣ Кремля.

Значеніе забытой святыни познается въ ея утратѣ. Оказалось, что съ нею связано все то, чѣмъ держалось общество, все то, что дѣлало человѣка человѣкомъ. Когда люди руководятся **одними** экономическими интересами, всякое непримиримое расхожденіе этихъ интересовъ дѣлаетъ ихъ жестокими врагами. Поэтому общество, утратившее святыни, неизбежно утрачиваетъ и внутренній миръ, а съ утратой внутренняго мира рушится всякое общественное единство; общество превращается въ стадо дикихъ звѣрей. Не стало благоговѣнія въ сердцахъ народныхъ, и величайшее въ мірѣ царство, которое собиралось вѣками, распалось на мелкіе куски въ нѣсколько мѣсяцевъ. Не очевидно ли, что все въ немъ держалось тѣми невидимыми духовными скрѣпками, которыя въ дни революціи были кощунственно порваны! Эта связь между тяжкимъ грѣхомъ русскаго народа и наступившей его катастрофой теперь стала очевидной даже для простецовъ и младенцевъ. Всякому понятно, что самый голодъ, отъ котораго люди гибнутъ тысячами, наступилъ не вълѣдствіе неурожая, а вълѣдствіе царящей на землѣ смуты и неправды: его причина — утрата внутренняго мира, междуусобіе, которое погубило честный трудъ. На всероссійскомъ церковномъ соборѣ мнѣ приходилось наблюдать религіозно настроенныхъ крестьянъ, которые ясно сознавали, что роковая причина развала и распада Россіи есть общее осатанѣніе. Чуткими душами въ простого народа этотъ развалъ воспринимается, какъ состояніе земли, оставленной Богомъ, утратившей Божью благодать. Что «люди Бога забыли и стали между собою, какъ дикіе звѣри», это можно теперь услышать на сѣверѣ Россіи отъ всякаго вѣрующаго крестьянина. И это настроеніе усиливается тѣмъ негодованіемъ, которое вызываетъ непрекращающіяся кощунства и оскорбленія святыни.

Для душевнаго состоянія народныхъ массъ на сѣверѣ характерны рассказы о періодически повторяющихся чудесныхъ знаменійхъ праведнаго суда и гнѣва Божія. Въ теченіе прошлой зимы, напримеръ, я съ разныхъ сторонъ слышалъ рассказы о яркомъ пурпуровомъ крестѣ цвѣта крови, который виденъ былъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ надъ Москвою, на безоблачномъ небѣ, во время солнечнаго заката. Одна знакомая барышня со всей своей семьей видѣла этотъ крестъ, зарисовала его и показывала мнѣ рисунокъ. Я не сомнѣвался въ правдивости этого рассказа, не думаю, чтобъ въ описанномъ явленіи было что-либо чудесное, и согласенъ объяснять его естественными причинами. Но самое естественное объясненіе тутъ приводитъ въ глубокое волненіе, потому что оно указываетъ на ту степень остраго страданія, которое переживаютъ въ Москвѣ человѣческія души. Видѣ люди не могли бы увидѣть этого кроваваго креста въ небѣ, если бы они не носили его въ своемъ сердцѣ. Тутъ всё мучительныя переживанія эпохи властились въ одномъ яркомъ образѣ и получили неотразимую силу видѣнія. Достаточно вспомнить, что въ это время мы гадядый день читали про неокончаемую Голгофу Россіи, про мученическую смерть священниковъ и ополченцевъ; а по почтамъ зловѣщій трескъ чулеме-

тогь, доходящія до слуха, возвѣщать о гибели сотенъ лучшихъ самоотверженныхъ нашихъ дѣтей и братьевъ. Просыпаясь, москвичи себя спрашивали: не мой ли сынъ, не мой ли братъ, не мой ли женихъ погибъ въ эту ночь?

Помню другой случай, когда большевики возмутили народныя массы дерзкимъ кощунствомъ. Революціонный праздникъ 1-го мая въ 1918 году совпалъ со Страстной средой. Несмотря на это совпаденіе, совнаркомы устроили обычное революціонное шествіе и задрапировали Кремль красной матеріей съ яркими революціонными надписями. Одной изъ такихъ надписей «да здравствуетъ Совѣтская республика» была задрапирована чудотворная икона Николая Чудотворца на Никольскихъ воротахъ, уцѣлѣвшая отъ взрыва въ 1812 году. И вдругъ на глазахъ у толпы въ нѣсколько сотъ человѣкъ совершилось происшествіе, которое до сихъ поръ остается необъясненнымъ. Изъ ряда разсказовъ, правдивость коихъ я имѣлъ возможность провѣрить, выясняется слѣдующая картина: красная ткань, закрывавшая образъ, внезапно дала поперечную трещину, потомъ стала дробиться на отдѣльныя полосы, которыя свертывались и какъ бы тлѣли. Въ теченіе четверти часа ткань почти цѣликомъ исчезла; свидѣтели съ трудомъ разыскивали на землѣ что-то въ родѣ красной корпии. Одинъ хорошо знакомый мнѣ и вполне правдивый свидѣтель, который докладывалъ объ этомъ патриарху, изъявляя готовность подтвердить свое показаніе присягой, съ трудомъ разыскалъ на землѣ кусокъ матеріи. Желая провѣрить, не была ли матерія умышленно пропитана какими-либо химическими веществами съ цѣлью ея уничтоженія, онъ тщетно пытался разорвать ткань; она оказалась исключительно крѣпкою.

Для меня важно въ данномъ случаѣ опять-таки не то или другое объясненіе этому событію, которое можетъ быть вполне естественнымъ, а народное настроеніе, которое несомнѣнно приняло его, какъ чудесное. Въ теченіе цѣлой недѣли большевистская милиція съ трудомъ разогнала толпу, собиравшуюся около иконы, ружейными выстрѣлами. Толпа разбѣгалась и сходила влозь. А 9 мая, въ день праздника Николая Чудотворца, къ поруганной большевиками его иконѣ собрался со всей Москвы грандіозный крестьянъ ходъ, какого въ Москвѣ еще не бывало. Онъ затмилъ даже ранніе бывшіе зимніе крестьянскіе ходы этого же года и народныя оборища въ дни царскихъ коронацій. А революціонная процессія 1 мая по сравненію съ нимъ оказалась совсѣмъ жалкою и ничтожною.

Въ другой лекціи, читанной въ Екатеринодарѣ, я указывалъ на опасность для жизни такихъ крестьянскихъ ходовъ, которые во многихъ городахъ окончились разстрѣломъ толпы изъ пулеметовъ, а въ данномъ случаѣ крестьянъ ходъ готовился подъ впечатлѣніемъ выстрѣловъ, уже бывшихъ возлѣ иконы. Но ничто не могло остановить неудержимого народнаго порыва. Какъ свидѣтель и участникъ нѣсколькихъ такихъ ходовъ, могу сказать, что слово «участіемъ» не подходитъ для ихъ характеристика. Въ виду ихъ необычайно сосредоточеннаго и серьезнаго настроенія. Люди готовятся къ нимъ причастіемъ, считаютъ съ возможностью смерти, идутъ съ нѣмымъ «Святый Боже» и «Кресту Твоему». Это что-то въ родѣ торжественнаго шествія съ Плащаницей. И толпы одажды на

Красной площ. мнѣ пришлось услышать въ январѣ пасхально-пѣнье—«Христосъ Воскресе». Это восторженное пѣнье было отвѣтомъ на разстрѣлъ Кремля большевиками. Крутомъ все свидѣтельствоvalo о разрушеніи и смерти: и прострѣленные главы церквей, и бреши въ кремлевскихъ стѣнахъ, и свѣжія могилы большевиковъ, зарытыхъ «по-граждански» на площади. Но какъ бы ни была мрачна эта картина,—всякая тяжесть спала съ души, когда на площади тысячи голосовъ зазвѣла этотъ восторженный, торжественный гимнъ воскресенія.

По всей Россіи прошла волна этихъ крестныхъ ходовъ, всюду принимавшая величественные размѣры. Въ движеніи участвовали не только города, но и села. Такъ, напримѣръ, зимою 1918 года патриархъ выѣзжалъ въ окрестности Богородска на крестьянскій крестный ходъ, въ которомъ участвовали десятки тысячъ крестьянъ изъ сотенъ селеній.

Движеніе несомнѣнно приняло характеръ всенароднаго сдвига; и съ этой точки зрѣнія трудно достаточно высоко оцѣнить его значеніе. По отношенію къ большевикамъ оно уже проявило внушительную силу сопротивленія. Эти массы, которыя шли десятками и сотнями тысячъ съ рѣшимостью постоять за святыню, вселили тревогу въ ряды большевиковъ и заставили считаться съ собою. Въ цѣломъ рядѣ случаевъ народные комиссары оказались вынужденными отступить передъ напоромъ народныхъ массъ. Такъ, напримѣръ, зимою 1918 года большевики пытались захватить и націонализировать Александро-Невскую лавру въ Петроградѣ съ цѣлью превратить ее въ благотворительное учрежденіе. Въ отвѣтъ на эту попытку духовенство, руководимое мужественнымъ митрополитомъ Веняминомъ, соорудило гигантскій крестный ходъ къ Лаврѣ, который зашумѣлъ весь Невскій: испуганные комиссары принуждены были очистить Лавру. Потомъ изъ разныхъ городовъ и селъ Россіи стали получаться извѣстія, что примѣръ Петрограда вызвалъ подражанія. То здѣсь, то тамъ въ отвѣтъ на покушеніе большевиковъ на ту или другую святыню или арестъ священника колокола звонили въ набатъ, народные массы собирались и вынуждали большевиковъ къ отступленію. Въ Москвѣ и въ другихъ городахъ составились союзы объединенныхъ приходовъ, которые всюду разрабатывали опредѣленный планъ организованной защиты святыхъ противъ нападеній, при чемъ ударъ колокола въ набатъ и крестные ходы играли тутъ видную роль. Большевики были крайне встревожены этимъ народнымъ движеніемъ, и воспретили набатный звонъ и ходъ страхомъ смертной казни.

И, однако, въ главномъ и основномъ они должны были уступить. Наиболѣе конституционные пункты декрета объ отдѣленіи церкви отъ государства, именно тѣ изъ нихъ, которыя имѣлось въ виду нанести церкви уничтожающій ударъ, остались безъ осуществленія. Такъ, декретъ и изданная въ дополненіе къ нему инструкция предусматривали полную национализацию всѣхъ церковныхъ имуществъ, въ томъ числѣ храмовъ и священныхъ предметовъ. Въ десятидневный срокъ всѣ храмы со всѣмъ, что въ нихъ имѣется, должны были быть переданы большевистскимъ властямъ, и затѣмъ обратно переданы для пользованія грѣшникамъ върующихся подъ кон-

пролемъ совѣтскихъ властей. Возмущенный этой колуцественной мѣрой всероссійскій церковный соборъ категорически воспретилъ передавать большевикамъ храмы и священные предметы. Это произошло осенью минувшаго года. Съ тѣхъ поръ, по паведеннымъ справкамъ, націонализація примѣнялась лишь къ имуществамъ, не имѣвшимъ священнаго значенія, и только въ видѣ исключенія—къ отдѣльнымъ домовымъ церквамъ. Въ общемъ же націонализація храмовъ потерпѣла полное крушеніе.

Какъ бы ни была велика сила движенія, глубоко ошиблись тѣ, кто ожидалъ отъ него организаціи государственнаго переворота. Оно держалось на чисто религіозной высотѣ, и въ этомъ обнаружилась глубокая мудрость его руководителей. Не говоря уже о томъ, что церкви не къ лицу устраивать вооруженныя возстанія,—это движеніе нанесло большевикамъ самый сильный ударъ именно тѣмъ, что оно было чисто религіознымъ и держалось вдали отъ партійной политики. Дѣло церкви—не призывать къ оружію, а врачевать человѣчскія души. Именно этимъ врачеваніемъ она подрываетъ психическіе корни большеизма.

Не слѣдуетъ забывать, что большеизмъ—прежде всего глубокая психическая зараза. Онъ силенъ, лишь посколькѣ онъ властвуетъ надъ человѣческой душою. Поэтому и преодолѣть его можно, только вырвавъ его корни въ человѣческой душѣ. О томъ, до какой степени невозможно побѣдить большеизмъ одной силою физическаго принужденія, и свидѣтельствуютъ хотя бы недавнія событія на Украинѣ. Тамъ германская оккупация загнала большеизмъ въ подполье; но, какъ только нѣмецкія войска ушли, вся страна сразу оказалась насквозь пропитанною большеизмомъ и подпала совѣтской власти. Ясно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ массовою психическою болѣзью, которая можетъ быть побѣждена только глубокимъ внутреннимъ переворотомъ, кореннымъ переломомъ въ самой народной психикѣ.

Этотъ переломъ теперь и совершается на сѣверѣ. Минувшею зимою мнѣ пришлось наблюдать наше великороссійское религіозное движеніе и на площадяхъ, и въ храмахъ, и въ многочисленныхъ собораніяхъ, и на всероссійскомъ церковномъ соборѣ. Могу выразить мои впечатлѣнія двумя словами—происходитъ очищеніе души народной. Вы чувствуете, какъ она оживаетъ, приходитъ въ себя и всѣмъ нутромъ освобождается отъ накопившейся въ ней мерзости.

Что переживаютъ эти массы, которыя съ восторженными слезами молятся и поютъ на площади? Вся тяжесть мучительныхъ переживаній спадаетъ у нихъ съ души; побѣждается обликъ звѣрный, человѣкъ становится человѣкомъ. И тѣмъ самымъ возстановляются тѣ невидимыя духовныя связи, которыми раньше крѣпка была Россія! Это—душевное состояніе того бѣсповатаго, который по изгнаніи изъ него легиона бѣсовъ вышелъ изъ гробовъ и сѣлъ у ногъ Спасителя. Цѣною величайшихъ страданій дается человѣку эта легкость духа. Помните слова Христовы: **родъ сей изгоняется молитвой и постомъ.**—Изо дня въ день строже и мучительнѣе становится вынужденный постъ русскихъ людей. Изо дня въ день положеніе представляется все болѣе и болѣе отчаяннымъ, безвыходнымъ. И вотъ, въ минуты, когда не видно ниоткуда ни просвѣта

ни надежды, голодные и изстрадавшиеся люди собираются въ храмы, падаютъ на колѣни, молятся, и тѣмъ самымъ совершается великое жизненное дѣло поста и молитвы. У людей вырастаютъ невидимыя крылья, которыя высоко поднимаютъ ихъ падъ захлестнувшей мѣрь грязною волною. Бѣса уже нѣтъ въ человѣческой душѣ, прошедшей черезъ очищающее страданіе. Она освобождается отъ него во всемъ существомъ своимъ, внутренно, органически.

Мы живемъ въ эпоху великихъ мировыхъ контрастовъ. Съ одной стороны, самъ сатана сорвался съ цѣпи. А съ другой стороны, на борьбу съ развудававшейся силой зла мобилизовались все духовныя силы, какія есть въ человѣческой душѣ.

Въ дни глубочайшей скорби и ужаса рождается въ мѣрь высшая красота духовнаго подвига. Въ церкви вновь показывается забытый міромъ ликъ Христовъ. Опять, какъ въ языческомъ Римѣ, льется кровь мучениковъ. То вдругъ доносится вѣсть про священника, который смѣлымъ словомъ проповѣди пытался остановить неистовства солдатъ-большевиковъ и за это былъ поднятъ на штыки. То приходитъ извѣстіе объ епископѣ, которому выкололи глаза и вырѣзали щеки за смѣлое слово изобличенія противъ насильниковъ, или про митрополита, который былъ разстрѣлянъ за то, что отказался по требованію большевиковъ передѣлать монастырь на мірской образецъ. Такъ скончался вѣвскій митрополитъ Владимиръ.

Пока народъ видѣлъ церковь въ мірскомъ почетѣ и великолѣпнн, онъ не вѣрилъ своимъ пастырямъ, инстинктивно чувствуя, что мірское покровительство покупается цѣною духовнаго рабства. Большевицкая демагогія искусно использовала это паденіе духовнаго авторитета, чтобы изобразить священниковъ, какъ прислѣшниковъ мірской реакціи. И вдругъ послѣ паденія — опять неожиданный подъемъ. Церковь, ограбленная, нищая, гонимая, вновь зажгла сердца, вернула утраченное вліяніе и приобрѣла всю ту духовную мощь, которая создается кровью мучениковъ.

Мірское обнищаніе и духовное возрожденіе — два тѣсно связанные между собою явленія. Въ церкви вообще пробуждается духовная жизнь. Казенное чтеніе проповѣдей по тетрадкамъ замѣнилось живымъ словомъ. Появились проповѣдники, которые увлекаютъ слушателей, начались оживленные бесѣды въ храмахъ. И чего не было у насъ вѣками, — появился духовный вождь. Патриархъ Тихонъ, мечущій громы противъ народныхъ комиссаровъ, сталъ обличать ихъ засилье съ той силой и властью, какой русская церковь не видала со дней митрополита Филиппа, обличавшаго Грознаго. За каждое слово, сказанное имъ властямъ, ему грозитъ разстрѣль. Его спасаетъ только страхъ, который внушаетъ врагамъ церкви необычайное его обаяніе въ народѣ.

Иными словами; на сѣверѣ Россіи совершается теперь глубокий переломъ во всемъ настроеніи, во всемъ духовномъ складѣ народномъ. Не столько внѣшнія событія, сколько именно такіе душевные перевороты рѣшаютъ судьбу людей и судьбу народовъ. То, что происходитъ въ политической жизни и на полѣ сраженія — только послѣдствія этихъ невидимыхъ глазу, но полныхъ глубокаго значенія внутреннихъ событій. Тотъ духовный подъемъ, который нѣ-

когда спасъ Россію отъ татаръ, зародился въ лѣсной пустынѣ и вышелъ изъ монастырской обители. Въ минуту, когда все дрожало передъ татарами, смиренный монахъ вдохнулъ мужество въ русскую рать. Раньше подвига Дмитрія Донского, судьба Россіи была рѣшена подвигомъ святаго Сергія. Такъ же и теперь то, что произойдетъ на полѣ сраженія, будетъ лишь послѣдствіемъ внутреннихъ духовныхъ переживаній.

Сейчасъ начинается переломъ военнаго счастья на востокѣ. Красные бѣгутъ передъ Колчакомъ, ихъ полки раслагаются, бунтуютъ и переходятъ на сторону противника. Люди поверхностно будутъ объяснять достигнутые успѣхи рядомъ видимыхъ, бросающихся въ глаза причинъ: организаторскимъ гениемъ Колчака, искусствомъ его полководцевъ, ошибками большевиковъ. Всѣмъ этимъ факторамъ, разумѣется, принадлежитъ извѣстное значеніе. Но значеніе рѣшающее принадлежитъ все-таки не имъ, а перемѣнамъ въ духовной атмосферѣ. Пока на сѣверѣ Россіи царилъ то увлеченіе большевизмомъ, которое теперь еще замѣчается въ Украинѣ, и военные подвиги и искусство полководцевъ были безсильны. Но, къ счастью, теперь уже совершилось рѣшающее для Россіи событіе. Въ глубокомъ тылу у большевиковъ одержана надъ ними великая духовная побѣда. **Сломлена власть большевика надъ душою народною**, и сейчасъ онъ живъ только послѣдними остатками этой власти. Когда большевистскіе полки окончательно распдутся и разложатся, это будетъ значить, что душевный переломъ въ народныхъ массахъ завершился.

Въ этомъ—вся суть. Одними штыками да пулеметами большевики не удержатся: вѣдь, въ концѣ-концовъ, штыкомъ и пулеметомъ руководить духъ. Отъ духа зависить, куда и какъ направить пушки и ружья. Въ этомъ—полное ниспроверженіе всей попытки построить человѣческое общество на однихъ материалистическихъ началахъ. Кажъ бы совершенной и прочной ни казалась эта постройка, если нѣтъ въ ней невидимыхъ внутреннихъ связей, ескрѣпляющихъ, рано или поздно она рухнетъ, какъ домъ, построенный на пескѣ. Когда стараніями большевиковъ десятиллионная русская армія стала тѣломъ безъ духа, она рассыпалась на мельчайшія части, обратилась въ пыль. Когда завершится происходящее нынѣ очищеніе души народнои, то же самое произойдетъ и съ большевистской арміей; тогда ни строгость наказаній, ни военное искусство не будутъ въ состояніи сдѣлать мертвое живымъ.

Въ то самое время, когда большевистское общественное строеніе разлагается, тѣ духовныя связи, которыми раньше держалась Россія, начинаютъ возстаивать. Казалось, большевизмъ раздробилъ общество на непримиримо враждующіе между собой классы. Въ этомъ и есть тайна его разрушительной силы. Величайшее его торжество въ томъ и заключалось, что не стало единого народа русскаго. Остались на сценѣ только «буржуи» да «бѣднота», которые всрѣчались лишь въ цѣляхъ взаимнаго истребленія.

Но вотъ въ великомъ нашемъ религиозномъ движеніи произошла иная встрѣча этихъ классовъ. Въ церкви классовая рознь побѣждается, для нея нѣтъ ни буржуа ни пролетарія. Тамъ человѣкъ сразу чувствуетъ себя поднятымъ на высоту сверхклассоваго міра.

И тѣмъ самымъ восстанавливается единство разрушеннаго цѣлаго—это что-то въ родѣ національнаго воскресенія. Вы снова видите передъ собою тотъ **единый русскій народъ**, который въ дни гражданской войны, казалось, совсѣмъ исчезъ изъ вашего поля зрѣнія. Это—исцѣленіе въ буквальный смыслѣ, потому что въ немъ восстанавливается нарушенная цѣлость народная. Я не преувеличиваю, это—осязательный фактъ, на сѣверѣ всякій можетъ его наблюдать.

Въ храмахъ, на крестныхъ ходахъ и во всѣхъ религіозныхъ собраніяхъ вы наблюдаете одно и то же явленіе: руются всѣ классы перепородки. Тутъ и рабочая блуза, и пиджакъ, и шляпа, и ситцевый платокъ — все густо перемѣшано; но шростонародья безъ всякаго сравненія больше. Одна интеллигенція сама по себѣ не могла бы дать и десятой доли тѣхъ многолюдныхъ сборищъ, которыя заполняютъ московскія площади и улицы. Такъ же и на собраніяхъ вы слышите рѣчи людей всѣхъ званій и состояній. И всѣ думаютъ и говорятъ только объ одномъ, что безконечно далеко отъ классовыхъ интересовъ: какъ защитить противъ насильниковъ поруганную святыню, какъ спасти гибнущую Россію. И тѣ скорбныя рѣчи крестьянъ о ея паденіи, какія мнѣ приходилось слышать на церковномъ соборѣ, принадлежали къ числу самыхъ искреннихъ и сильныхъ.

Народное самосознаніе оживаетъ въ этомъ духовномъ общеніи всѣхъ классовъ: въ немъ русскій человекъ снова находитъ утраченную родину. Это не удивительно. Въ прошломъ вся Россія создалась тѣмъ духовнымъ подъемомъ, который теперь возрождается на сѣверѣ. Теперь онъ восстанавливаетъ порванную связь поколѣній. Въ прошломъ этотъ спасительный подъемъ зарождался въ минуты грозной опасности, въ глубочайшихъ народныхъ страданіяхъ. Въ нынѣшнемъ центрѣ всероссійскихъ событій—въ Московскомъ Кремлѣ каждый камень свидѣтельствуетъ о той духовной силѣ, которая нѣкогда создала Россію. Отсюда—совпаденіе памятниковъ церковнаго и государственнаго строительства. Расцвѣтъ могущества московскаго государства, завершеніе національной побѣды надъ татарами ознаменовалось сооруженіемъ кремлевскихъ соборовъ. Ихъ золотыя главы, которыя, какъ горящія свѣчи теплятся къ небесамъ, представляютъ собою гениальное образное выраженіе народной молитвы за Россію. А на Красной площади—другое напомниманіе о той же связи духовнаго и мірскаго — храмъ Василія Блаженнаго, построенный въ память покоренія Казани. Фантастическіе узоры его яткихъ цвѣтовъ и красочные купола, вьющіеся ко крестамъ, говорятъ **намъ о могучей растительной силѣ земли**, которая движется къ небсамъ божьей благодатью. Вся та красота земли, о которой говоритъ этотъ храмъ, рождается изъ подъяема ко кресту.

Когда въ 1917 году народная жизнь сдвинулась со своихъ вѣковыхъ основъ, эти храмы стали чуждыми и непонятными народу. Объ этомъ отчужденіи свидѣтельствуютъ и сейчасъ прострѣленные церковныя главы да запертыя ворота Кремля, который сталъ мѣстопробываніемъ китайцевъ и латышей.

Трудно найти болѣе яркое символическое изображеніе судьбы, постигшей Россію. Московскій Кремль—обычное образное олицетвореніе русской державы—отнять у народа, утратившаго свою святы-

ню. Онъ перешелъ къ китайцамъ и латышамъ съ того дня, когда русскіе солдаты стали сами разстрѣливать свои храмы.

Но кончился этотъ мрачный періодъ самоубійства народнаго, Россія снова возвращается къ забытымъ святынямъ. Долго ли, коротко ли продолжится положенный ей срокъ очищенія, про то мы не знаемъ. Одно достовѣрно — когда срокъ этотъ кончится, кремлевскіе соборы снова будутъ наши. Утраченное царство вернется лишь тогда, когда вернется одухотворяющая его благодать.

Вопросъ о томъ, какъ и когда это совершится, важенъ не для насъ однихъ. Во всемъ мірѣ наярѣваетъ попытка перестроить общество на материалистическихъ началахъ. Всѣмъ народамъ угрожаетъ одинъ и тотъ же провалъ въ темную глубину звѣрнаго царства. Наши русскія событія — не болѣе какъ мѣстное проявленіе великой мировой драмы. Поэтому процессъ духовнаго возрожденія, который начинается теперь въ Россіи, имѣетъ не мѣстное только, а общее мировое значеніе.

Вопросъ ставится необыкновенно остро: что восторжествуетъ въ мірѣ — человѣческое или звѣрное? Исторія даетъ на этотъ вопросъ ясный и глубоко поучительный отвѣтъ. Человѣчество можетъ быть спасено отъ угрожающаго ему паденія только черезъ подъемъ въ высшую надчеловѣческую сферу. Какъ только человѣческая жизнь сдвигается съ своихъ религиозныхъ основъ, она тотчасъ утрачиваетъ все специфически-человѣческое и роковымъ образомъ подпадаетъ темной власти звѣрнаго царства.

Человѣкъ не есть высшее въ мірѣ существо. Онъ выражаетъ собою не тотъ конецъ, куда міръ стремится, а только серединную ступень мирового подъема. И вотъ оказывается, что на этой серединной ступени остановиться нельзя. Человѣкъ долженъ сочетаться или съ Богомъ или со звѣремъ. Онъ долженъ или пережить себя, подняться надъ звѣздами, или провалиться въ пропасть, утративъ свое отличіе отъ всего, что на землѣ ползаетъ и пресмыкается. На свѣтѣ есть двѣ бездны, тѣ самыя, о которыхъ нѣкогда говорилъ Достоевскій, и средняго пути нѣтъ между ними. Всѣ народы міра должны рѣшить ясно и опредѣленно, къ которой изъ двухъ они хотятъ принадлежать.

Тотъ путь звѣрнаго царства, куда большевизмъ увлекаетъ міръ, есть путь смерти. А тотъ, другой путь, куда теперь поворачивается русское народное самосознаніе, есть путь воскресенія. Въ этомъ и есть то освобождающее слово, которое должно спасти Россію, а съ нею вмѣстѣ и всѣ народы вселенной.

КН. ЕВГЕНІЙ ТРУБЕЦКОЙ.